ГЕЛИКОН ПЛЮС

Санкт-Петербург

2004

Кошки — мышкой

Художественное издание. — СанктПетербург: «Геликон Плюс», 2004. — 336 с.

ISBN 5-93682-155-2

© 2004
© 2004
© 2004
© 2004
© 2004
.....

© «Геликон Плюс», макет, 2004

КОШКИ — МЫШКОЙ

Create-a-Book Project

Октябрь 2002 — Март 2003

Эта книга от первого до последнего слова,
от первого до последнего рисунка
была создана в интернете силами
виртуального сообщества
совершенно незнакомых между собой
в реальности людей
из многих стран мира

Художники

Эли Бар-Яалом, Хайфа (Израиль)
Дима Здоров, Бостон (США)
Таня Мироненко, Реклингхаузен, (Германия)
Наташа Резонов, Иерусалим (Израиль)
Саша Соловьёва, Вильнюс (Литва)
Юра Фельдман, Хайфа (Израиль)
Лина Хесина, Лейпциг (Германия)
Иришка Бабич, Вильнюс (Литва)
Дина Абрамовская, Хайфа (Израиль)
Эрика Шарапова, Беер-Шева (Израиль)

Литераторы

Дина Альперович, Ришон-ле-Цион (Израиль)
Михаил Бару, Пущино-на-Оке (Россия)
Эли Бар-Яалом, Хайфа (Израиль)
Миша Гертельман, Токио (Япония)
Алик Готлиб, Тель-Авив (Израиль)
Джен, Томск, (Россия)
Михаил Квадратов, Москва (Россия)
Алёна Кочешкова, Донецк (Украина)
Виктор Кузнецов, Москва (Россия)
Марина Мосейкина, Москва (Россия)
Юля Неменова, Санкт-Петербург (Россия)
Дима Прокофьев, Санкт-Петербург, (Россия)
Бэла Проскурова, Нью-Йорк (США)
Вика Райхер, Иерусалим (Израиль)
Максим Сигнаевский, Ванкувер (Канада)
Татьяна Тайганова, поселок Кувшиново (Россия)
Марина Хаген, Транзит (Россия)
Елена Эфрос, Санкт-Петербург, (Россия)
Кот Аллерген ака Елизавета Михайличенко и Юрий Несис,
Иерусалим, (Израиль)
Кисяка Уксус, Москва (Россия)

Графический дизайн

Лина Хесина, Лейпциг (Германия)
Юра Фельдман, Хайфа (Израиль)
Дмитрий Горчев, Санкт-Петербург (Россия)
Наталья Нагина, Санкт-Петербург (Россия)

Программирование

Миша Гертельман, Токио (Япония)
Слава Фёдоров, Хайфа (Израиль)

Вебмастер

Наташа Резонов, Иерусалим (Израиль)
Антон Бобрешов, Киев (Украина)

Ассистенты

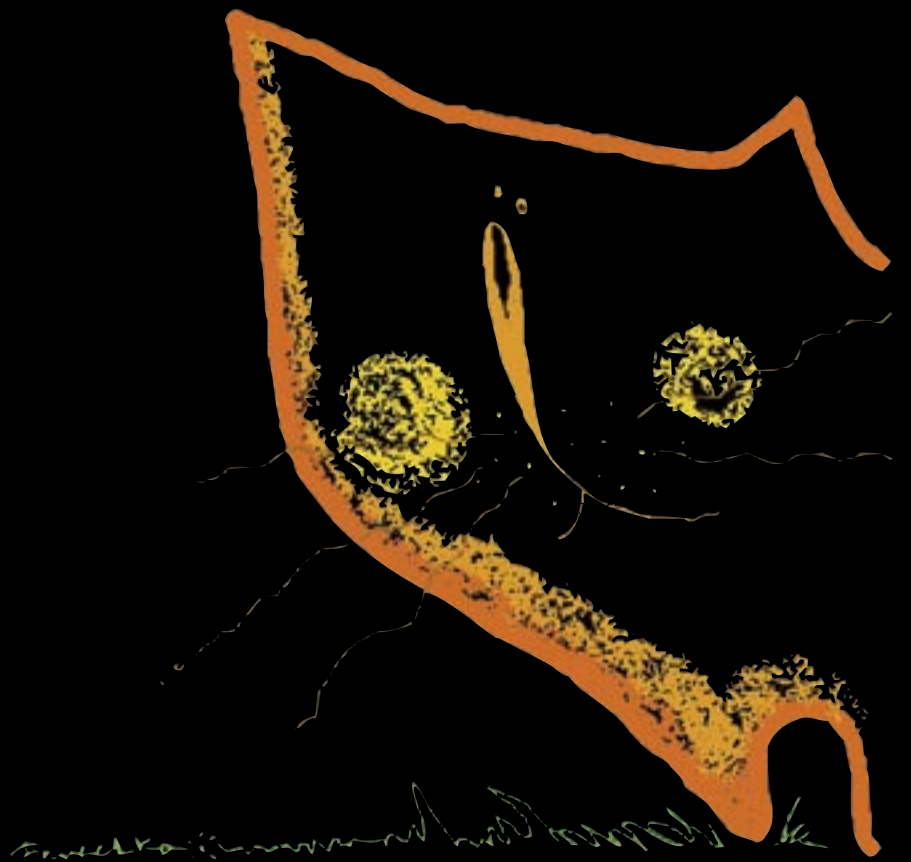
Андрюша Асиновский, Хайфа (Израиль)
Лена Афрамова, Токио (Япония)
Маша Белиловская, Сан-Франциско (США)
Алиса Готлиб, Тель-Авив (Израиль)
Веня Дысин, Иерусалим (Израиль)
Ольга Чугункина, Москва (Россия)
Наташа Васильева, Москва (Россия)

Предисловие, послесловие

Максим Сигнаевский, Ванкувер (Канада)
Лена Афрамова, Токио (Япония)

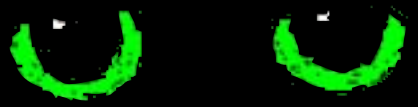
Идея

Миша Гертельман, Токио (Япония)



Часть I

ГОЛОВА, ИЛИ ПРЕДИСЛОВИЯ НА ЛЮБОЙ ВКУС



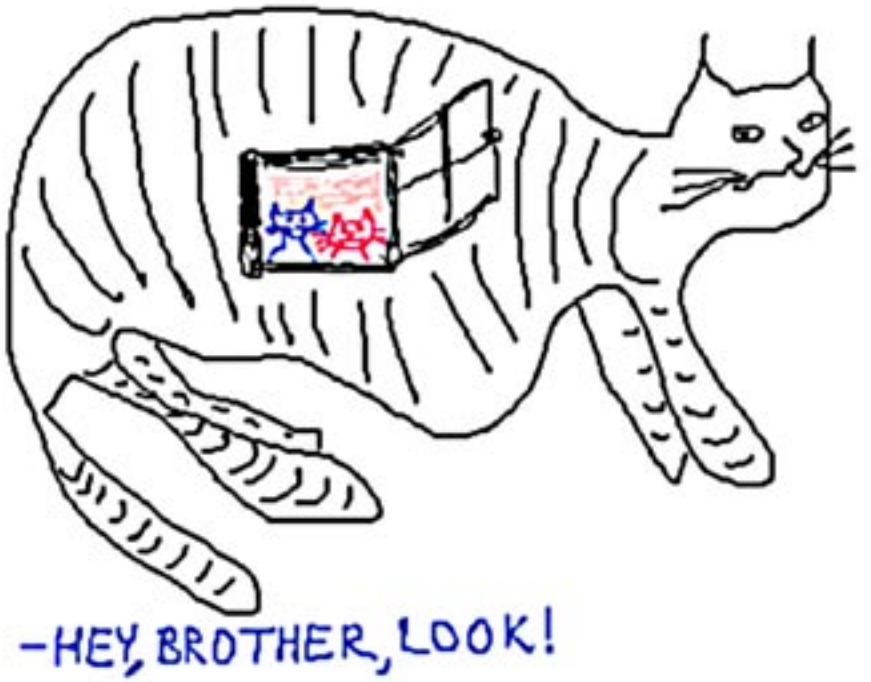
Начало

Я живу в эпоху <нрзб> электронов.
Моя бабушка и помыслить об этом не могла.
Она думала о другом.
Целовала деда, варила суп.
Я занимаюсь тем же.
Только писанины прибавилось.

Мои друзья разбросаны по сети.
Мы соединены мизинчиками на клавиатуре.
Похоже на спиритический сеанс.
Я вызываю их из пустоты.
Все вертится.

Мое дело — околачивать груши.
Есть чем, нужно только найти повод.
Почему бы не выразить себя в котах?

Отличная идея.



Предисловие для взрослых

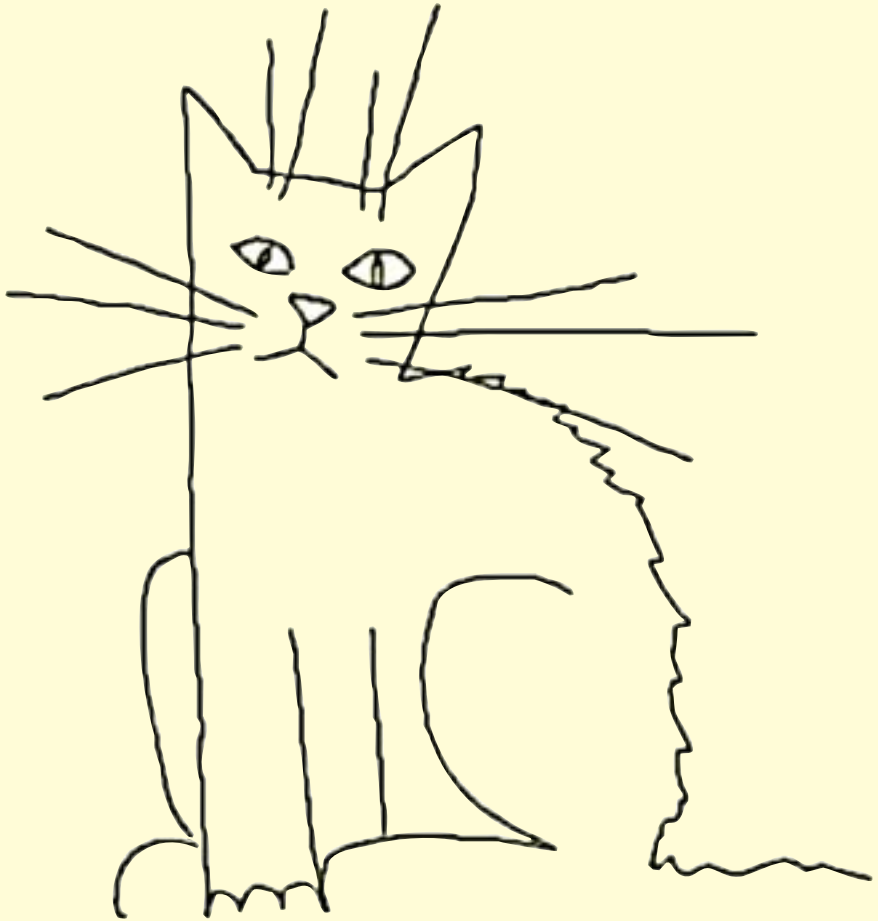
Было время, когда зелёная строка букв бежала по чёрному монитору, эта информация передавалась из одной точки мира в другую — это и был Интернет, но никому не было до него дела. Потом пришёл объясняющий как жить, красочный, со множеством разноцветных кнопочек интерфейс, и мы постигли **ЧУДО**: стали в этой среде писать друг другу письма, разговаривать в чатах, вести свои дневники и комментировать чужие. На нас свалилась куча нужной и не очень информации, мы бросили дом и перешли жить на Home Page, мы говорим медленнее, чем печатаем слова на клавиатуре, мы бледнее в реальной действительности, чем в виртуальной, — нам стало казаться, что это и есть **ЖИЗНЬ**, потому что здесь мы свободны, **НО** мы устали после выключения монитора становиться бледными копиями своих виртуальных «Я».

Мы понимаем, что здесь можно **ВСЁ**, но не всегда знаем **ЧТО**; мы знаем, что можем **ВСЁ**, но не всегда знаем **КАК**. Мы — бездонный кладезь талантов, и здесь, в виртуальном мире, нам проще выразить себя, но мы хотим быть интересными себе **ВЕЗДЕ** — нам захотелось проложить дорожку между миром вещей и иллюзий, захотелось чего-то, что можно подержать в руках, — материального результата виртуальных усилий…

Мы собрались в интернете, десяток незнакомых в реальности людей и распределили обязанности: кто-то плёл из строк программы среду для рисования, кто-то рисовал свои настроения в форме котеек, котов и котофеев, кто-то выплёскивал мысли и чувства, стуча по клавиатуре, — получались тексты и стихи, и эфемерное превратилось в материальное.

Нам доподлинно было известно одно: мы не хотим пассивно сидеть вечерами напротив тусклых экранов телевизоров — мы хотим развлекать себя и других, нам неинтересна культурная программа сверху, мы в ответе за своё настроение, где бы мы ни находились — по ту или по эту сторону экрана. :-)

P. S. Эй! А вы? Ведь если вы листаете сейчас нашу книжку, это значит, что мы её выпустили и получили свою порцию удовольствия — теперь ваш черёд закрутить свою котовасию! Э-ге-гей!!!



Историческое предисловие

Эта книга — результат «игры в бисер» или, если угодно, игры в кошки-мышки, в которой участвуют кошки, нарисованные компьютерной мышкой. Все картинки в этой книге нарисованы в разное время разными людьми из разных стран. Все они пребывали в одном им известном (но, кажется, веселом) расположении духа. Наших котов объединяет только то, что созданы они с помощью компьютерной мыши и простой программы рисования, в которой много цветов, но линия шириной только в один пиксел.

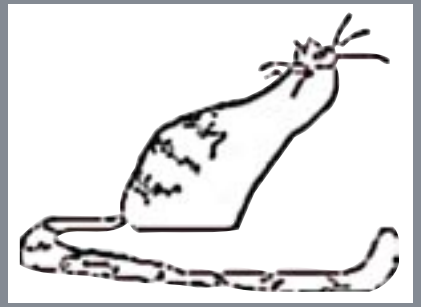
Объединяет их и то, что они рисовались на сайте под названием **The Amazing CatPad** (http://www.catpad.org). «CatPad» — потому что это Pad для рисования котов, а «amazing», потому что поистине удивительные кошки порой выходят из-под мышки. Ну, или потому, что вы сами подразумеваете под этим словом.

Сам же CatPad возник по очень простой причине и из очень простой идеи.

Вот как это было.

Однажды мне прислали по электронной почте кота в подарок.

Кот был нарисован в Paintbrush и прислан в виде аттачмента к письму. Вот такой:

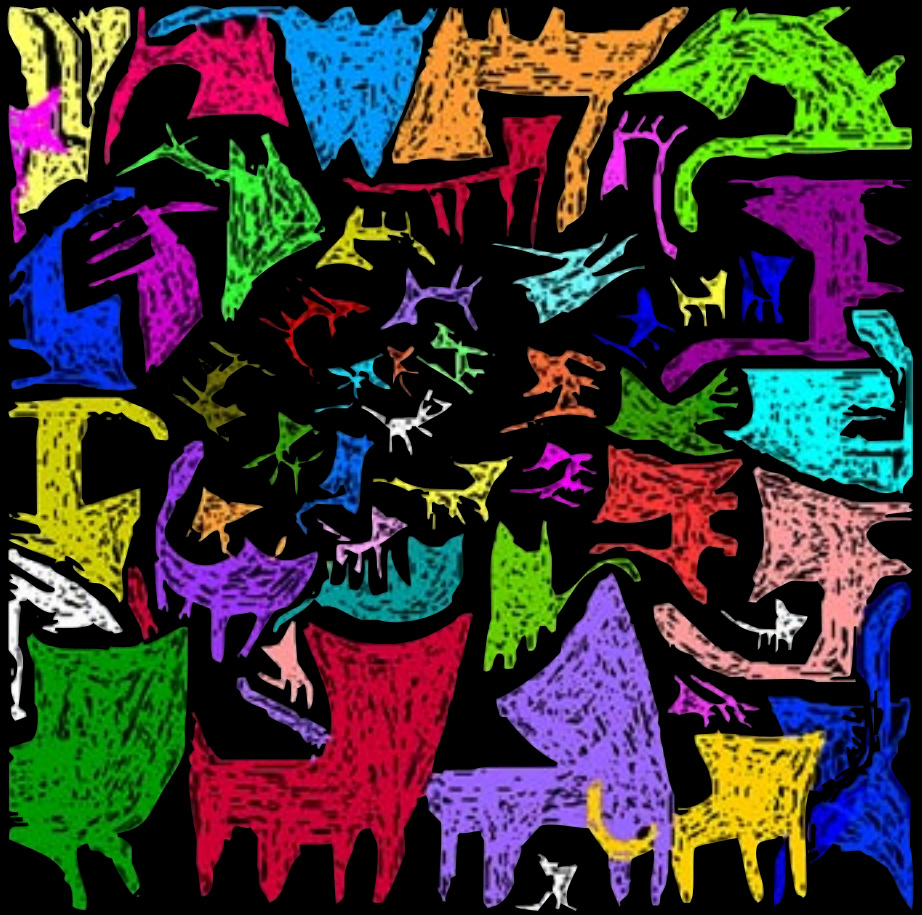


Тогда я подумал: а так ли уж безобиден на самом деле процесс создания такого подарочного кота? Человек должен открыть, скажем, Paintbrush, нарисовать кота (а что же еще, в самом деле ?), сохранить файл в каком-то там формате, открыть почтовую программу, написать письмо, сделать аттачмент, и, наконец, послать. Но мало того, после всех этих трудов пресловутого кота увидит только получатель письма. А что, если я хочу, чтобы мое бессмертное произведение увидели миллионы ? А если я ничего не смыслю в графических форматах и почтовых программах ?

Так родилась идея 1-Click-Cat, которая воплотилась в вебсайте под названием **The Amazing CatPad**.

Мир знает множество компьютерных проектов, совместно созданных в интернете сообществом хакеров (в лучшем смысле этого слова). Их работа зиждется на следующих незыблемых принципах: все они работают совершенно бесплатно, добровольно, на совесть и, кроме того, никогда не встречаются друг с другом в реальной жизни. Самый известный такой проект — операционная система Linux, созданная «безумным» (опять же, в самом лучшем смысле этого слова) финским студентом Линусом Торвальдсом в комнате, занавешенной плотными шторами от солнечного света.

Постепенно к проекту присоединились сотни хакеров, которые и довели дело до ума. Теперь Linux успешно конкурирует с Windows, а портрет Линуса Торвальдса, по легенде, висит в Microsoft в качестве dartboard.



Наш проект гораздо скромнее, но, будем надеяться, не менее безумен. Половина его сделана свободными художниками CatPad'а, произведения которых представлены в этой книге. Вторая половина заключалась в создании самой книги, каковой процесс было решено тоже провести в интернете, в форме свободной дискуссии между людьми, многие из которых тоже никогда не видели друг друга в жизни, потому что даже живут в разных странах.

Таким образом, книга эта не создана каким-то одним человеком — она есть чистый продукт виртуального пространства, живое воплощение киберпанка.

Цель этой книги, кроме как развлечь читателя, еще и в том, чтобы примирить художников и хакеров — а именно, людей, рисующих котов по ночам, и людей с плотно задернутыми днем шторами. Наша скромная надежда заключается в том, что программист иной раз взглянет и на кота, а художник преодолеет свой страх перед страшным словом «сервер».

Предисловие для детей

котокнижье,
кошкомышье.
кошке книжку не дарить!
кошке — мышку!
мышкой книжку
стайкой тайно сотворить

Часть II

ЖИВОТ, ИЛИ УПРАЖНЕНИЯ В СТИЛЕ

Глава Первая

ЯПОНСКАЯ

***

Кот на экране.
Мышь породила его.
Унижение.

Записки, сделанные кончиком хвоста

Красиво, когда у кошки черная спина
и белоснежная грудь.

Сэй-Сёнагон

1. То, что радует сердце

Прекрасные котята, играющие во дворе друг с другом. Как они забавны в своих неуклюжих движениях.

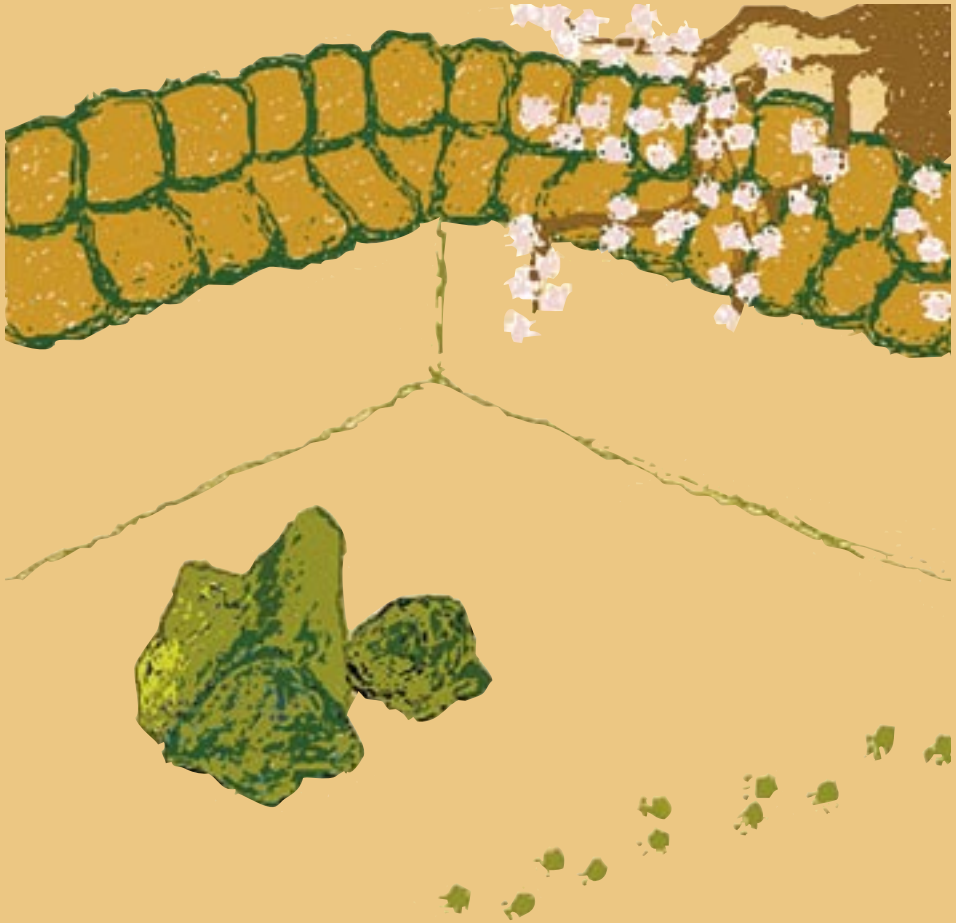
Приятно зимним вечером, когда за окном гудит вьюга, и холодный ветер прорывается в щели, лечь на циновку возле жаровни. На сердце у тебя становится весело.

Несказанно радуют сердце юной кошки стаи поклонников, добивающихся ее благосклонности. А она стыдливо делает вид, что равнодушна к их ухаживаниям.

2. То, что наводит уныние

Хочется выйти из дому, но как назло, пошел дождь. Тоскливо на душе, ведь там такая слякоть, невозможно пройти и не запачкать лапы.

Какая досада!



Или вот еще. Почувствуешь голод, а в мисочке пусто. Сил нет, как это раздражает!

3. Поднимается сильный переполох...

Поднимается сильный переполох во дворе при виде черного кота. С каким раздражением его обходят, торопясь пройти побыстрее. Кот огорчается, ведь он не держал в мыслях ничего дурного. Так жаль его.

А иной молодой черный кот специально садится у дороги и, завидя прохожего, со смехом перебегает ему дорогу. Прохожий сердится, но не станет же он гнаться за котом.

4. То, над чем посмеиваются

Собака на цепи громко лает на сидящего рядом важного кота. И так и вертится, пытаясь дотянуться. Напрасные усилия, ведь цепь коротка, не достать ей.

Рыжий кот Утатанэ — «Дремота», подкрадывается к сидящей на земле птичке. Та весело чирикает, не замечая. Утатанэ прыгает, да неудачно, и птичка улетает. Раздается дружный смех. Кот, конечно, досадует.

Смешно слушать, как хвастается толстый кот важного чиновника. Он так гордится своим нарядным ошейником. Взахлеб рассказывает о кушаньях, которыми его вдосталь кормят. Дамы, посмеиваясь, перешептываются:

— Говорят, ему больше недоступны любовные утехи, что ему остается, бедняге, как не набивать желудок.

5. То, что пленяет утонченной прелестью

Молодая, стройная кошка, изящно поднявшая лапку для умывания.

Блестящая, густая шерсть, шелком отливающая на солнце.

Теплые ткани, густо затканные узором. На них приятно лежать в зимнюю пору.

6. В третий месяц года...

В третий месяц года собираются птицы в стаи. Лошади в поле ходят табуном. Рыбы плывут на нерест серебристыми косяками. Приятно встретить сильного красивого кота и пойти с ним на прогулку. Но в другое время года прогулки в одиночестве куда приятней.

7. То, что причиняет досаду

Только задремал, уютно устроившись, как тебя будят: «Вставай, лежебока, пойди, побегай».

Капризный, избалованный ребенок, которому все умиляются. А он, забавляясь, хватает собаку за уши, запрыгивает на нее.

Того и гляди, подбежит и дернет за хвост. Как это неприятно.

Спешишь домой, а на дороге встречает широкая лужа. Приходится окунать в нее лапы. Холодно и противно.

Очень неприятно, когда ширма оказывается ненадежной и обрывается под твоим весом.

Или еще пример. Из дома доносится зов, спешишь скорей туда, в надежде на вкусное угощение. Напрасные ожидания! В доме собрались гости, и тебя позвали развеселить их. Как это оскорбительно!

Молодой любовник ночью прокрался к дому возлюбленной и зовет ее громко и страстно. Но зажигается свет, и вместо пылкой страсти любовник получает ушат холодной воды. Ужасно.

8. Птицы

Соловей. Чиж.

Ласточка — вестница весны, но поймать ее нелегко. Ведь она не садится на землю.

Воробей. Они весьма вкусны.

Голуби еще вкуснее.

Ворон уродлив, он хрипло каркает, да и клюв у него острый. С ним лучше не связываться!

Журавль необыкновенно красив, но ведь не зря поётся в старой песне:

Не надейся на журавля,
Кричащего в облаках.
Не мечтай понапрасну.
Смотри, как весело
Щебечет синица.

9. То, что вызывает жуткое чувство

Гром.

Внезапный ливень.

Оскаленная собака, бегущая прямо на тебя.

10. О самых великолепных вещах на свете

О, как чудесно, когда ты слышишь приказание, отданное кухарке:

— Ступай, накорми Мимито — «Чуткое Ухо»!

К такому стоит прислушаться.

Невыразимо приятно лежать на чьих-нибудь коленях после сытной трапезы. Сквозь легкую дремоту чувствуешь ласковые прикосновения. И вдруг рука замирает. Хочется притянуть её когтями:

— О, продолжай, продолжай!

В весенюю пору приятно смотреть на цветущие деревья. Сердце бьется быстрей, хочется петь. Вдруг в ответ на твою песню слышишь страстный ответ. Как это великолепно.

Во времена давние кавалер, одну даму некогда часто посещавший, потом в доме ее уж вовсе не показывался, охладев, что ли, к ней. Дама же та, о кавалере тоскуя и вернуть его желая, послания ему отправляла, да только без ответа они оставались. Однажды так она сложила:

Со мной лишь кошка
Этой ночью холодной
Встречает рассвет.
От росы, видно, насквозь
Мокры мои рукава.

Кошка же хвостом по посланию провела и тушь на нем размазала, так что в последнем стихе «мокры и хвост, и усы» получилось. Дама, то увидав, рассмеялась и больше уж кавалеру этому не писала, да и о прочих кавалерах после того так не печалилась.

***

Снегопад.
Кошка ловит белых мух
Полосатой лапой.

***

— Что видел Кот-сан
в императорском дворце?
— На циновке Мышь!

***

как жить без сливок
кошка скребет на душе
японой лапой

***

На одеяле
нежная тяжесть кота.
Сонное утро.

***

Трудно в ученье —
Мышке никак не понять
Путь самурая.

***

мартовской ночью
кто на крыше мяучит?
нет, не лягушка!

***

начало коту
есть. а конца у него
нет. разве что хвост.

***

каваи неко
муши муши охайо
меоки кото*

---

* Комментарий автора:
Как и в каббалистских текстах, в моем труде присутствует несколько уровней понимания. Его по-разному воспримут Великий Змей и пес-Будда, хладный любовник и Джон-простак. Берите свое там, где вы увидите свое.

Глава Вторая

ИСПАНСКАЯ

***

Когда вы уходите,
Не закрывайте балкона!

Много ли кошке надо?
Не закрывайте балкона!

Мальчик шуршит бумажкой,
Не закрывайте балкона!

Ветер гоняет листья —
Не закрывайте балкона!

Дворник везёт тележку —
Не закрывайте балкона!

Дети играют в салки —
Не закрывайте балкона!

Корку клюёт ворона —
Не закрывайте балкона!

Сколько вокруг движенья!
Не закрывайте балкона!..

Жестокий Ромяунс

Любовь моя, дочь Сиама,
Луна улеглась на темя,
Между ушами, мягко
В утро струится время,
Колких минут песчинки
Льются под хвост кошачий,
В садике под балконом
Мерно котяра плачет.
Любовь моя, дочь Сиама,
Выйдешь ли? Черным — ревность
Мне изогнула спину,
Рядом шипит соперник.

Когти скрипят о камни,
Будят старух и совесть.
Мышь принесу украдкой
К твоему изголовью.
Звезды бледнеют. Звезды,
Млечные брызги страсти
Ночь ненасытной кошкой
Слизывает. Упасть бы
В черный колодец дремы
И из глубокой ямы
Петь тебе серенады,
Нежная дочь Сиама.

Есть у меня тропинка,
Вышитая полынью,
К сердцу моей любимой.
Только оно остыло.
Больше крылу фламенко
Хвостик ее не вторит,
Глазки заплыли жиром,
Шкурка побита молью.
Острые когти, те, что
В спину мою вонзала,
Спилены. Затупились
Яростные кинжалы.

Утро. Из гнезд роняют
Горлицы пух трехцветный,
Скоро пройдет молочник,
Скоро проснется ветер.
А вслед за ним лениво
Солнцу подставит брюшко
Сонная королева,
Спящая на подушке.
Но мои лапки алым
Обагрены и жгучим,
Любовь моя, дочь Сиама,
Со шкафа шипит-мяучит.

В испанский обряжен галстук,
Хозяин затих у кресла,
За то, что к ветеринару
Отправил мою невесту.

Tupelo la Duero

Черней корней мандрагоры
Жемчужная ночь горела
Синьор Мазай у собора
Сумбурно бряцал сомбреро

В сухой и жаркой Кастилье
Неслись к небесам вопли
Коты на задворках гнили
Они без воды дохли

И дон Мазай де Монтойя
Вспять повернул Дуэро!
Он спас семейство котовье,
Вернул животинам веру

Ревели волны прилива
Дымилось сердце испанца
Сумбурный дон терпеливо
Побрел откачивать зайцев.

Сомнамбулический романс
(в двух частях)

1

Любовь моя, цвет зелёный,
Зелёного ветра всплески,
Далёкий парусник в море,
Далёкий кот в перелеске.

Далёкий кот в перелеске
Мечтает о лапах узких,
О шерсти зелёном блеске
И щёлках глаз андалузских.

Луна уже отлетела,
Гарцует в рассветной рани,
И снится зелёное тело
Тому, кто любовью ранен.

2

Цыганский фонарик светит,
Глядит из-за занавески.
Она мечтает, как встретит
Того, кто ждёт в перелеске.

«Но как, но как я предстану
Пред тем, чьи бока бордовы!
Я лучше путаной стану
На пыльных крышах Кордовы».

Дарила б любовь с излишком,
Ласкалась кошкиной лаской,
Когда б соседский мальчишка
Не облил зелёною краской.

Испанское

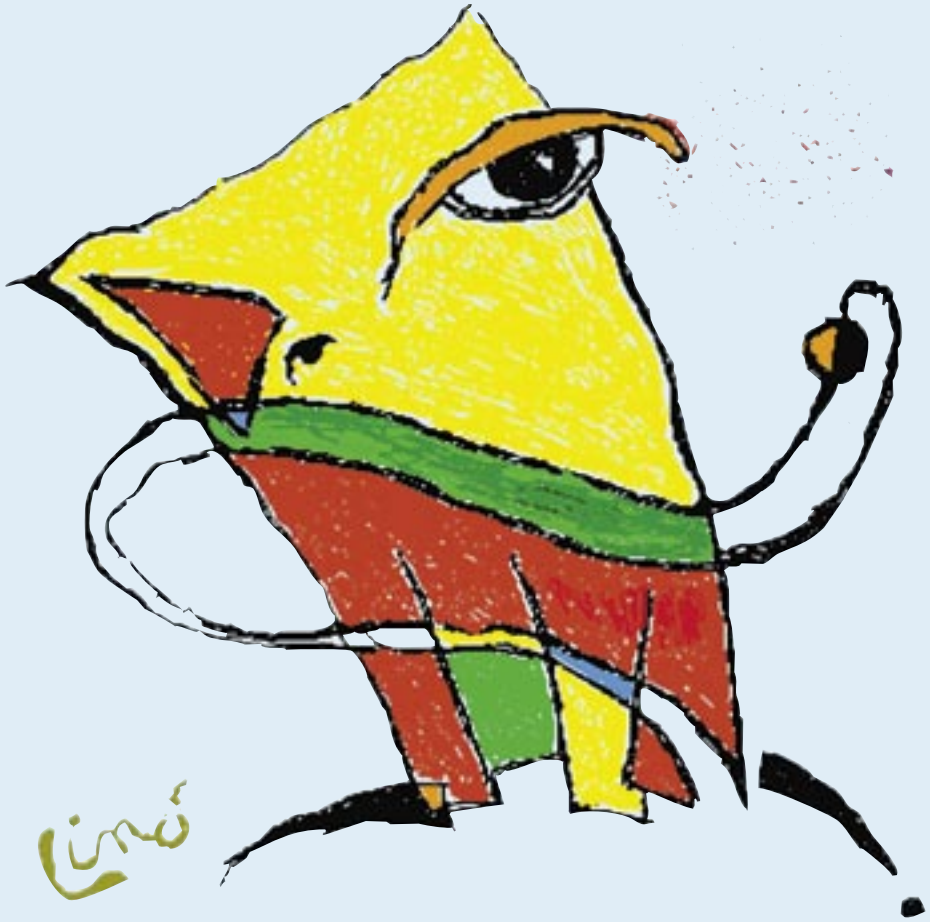
На рождество найдут меня
В канаве у злой таверны.
Я был негодяем и жил как свинья,
И я, конечно, не первый.
Сбегутся со всей Сааведры
Карлики и сколопендры,
Душу поделят черным мелом —
Вместо души теперь пустота —
С ними четыре черных кота
И пятый — тоже не белый.

В нашей округе поникли давно
От ужаса все кипарисы.
Я выплеснул на капеллана вино
И звал Сант-Диего крысой.
Сбегутся со всей Сааведры
Карлики и сколопендры,
Душу поделят черным мелом —
Вместо души теперь пустота —
С ними четыре черных кота
И пятый — тоже не белый.

Только зачем-то свечку жжет,
Роняя слезинки в подушку
(Красиво, в рифму, но это не в счет)
Одна слепая пастушка.
Сбегутся со всей Сааведры
Карлики и сколопендры,
Душу поделят черным мелом —
Вместо души теперь пустота —
С ними четыре черных кота,
Но пятый — все-таки белый.

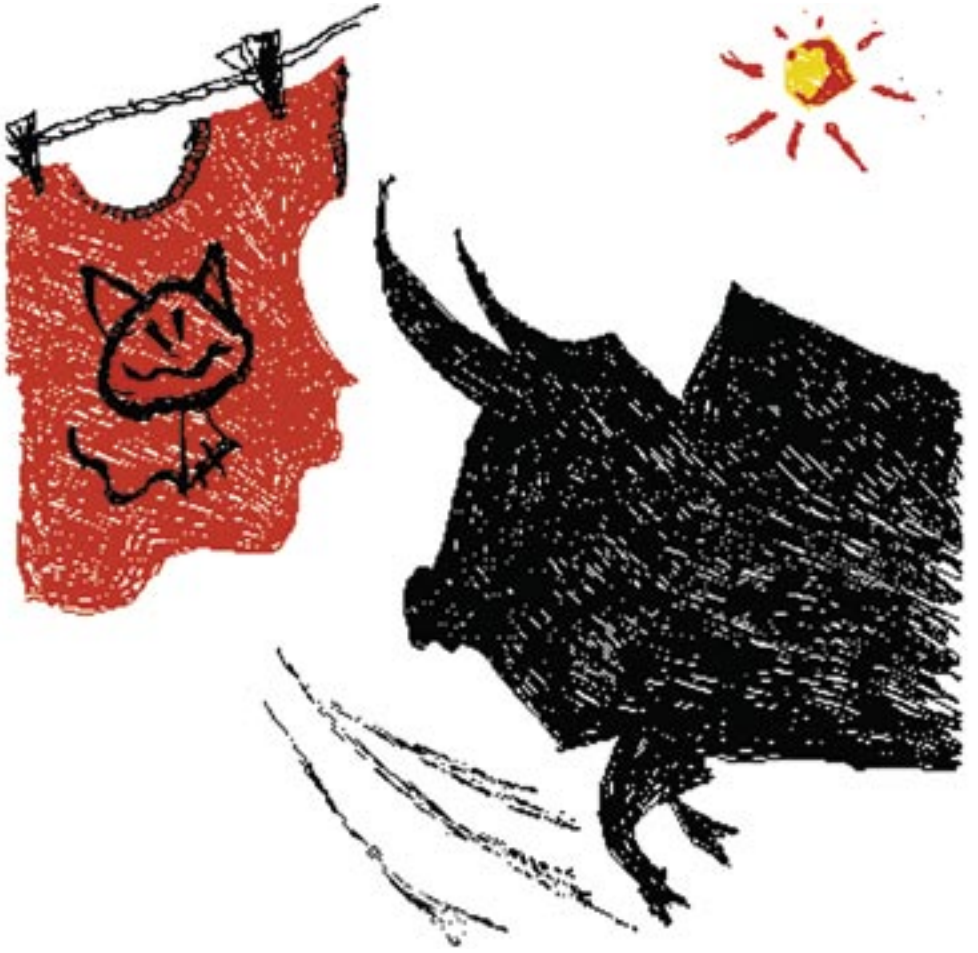
Романс о взаимной любви и взаимном предательстве

Сиреневый воздух ночи
Сапфиром блестит в тумане.
Ты когти уже не точишь
Об камень моих страданий.
Любовь моя, сало в шубе,
Обрывок легенды старой!
Зачем ледяные губы
Дрожат над моей гитарой?
Любовь моя, сало в шубе!
Зачем я забыть не в силах?
И траур теперь ношу я,
И песни мои унылы.
Любовь моя, мех на струнах!
Ты жил, как в застывшем кадре,
Храним, как наложник юный,
Своим бородатым падре.
Нежнейший маркиз де Людка,
Хуан Леопольд Бастилий,
Ночами играл на лютне
Тебе, меховой скотине.



Послушай, мой друг, послушай!
Границ не имеют страсти.
Урчание билось в душу,
Опалом дымилось счастье.
Кто знал, что таких идиллий
Не будет терпеть Создатель?
Хуан Леопольд Бастилий —
Будь проклят любви предатель.
Любовь моя, складки жира!
Зачем ты отдал соблазну
Казну своего кумира,
Мясные его запасы?
Свиреп раскаленный окрик,
Обманут маркиз де Людка,
Порока козлиный облик
Любовную топит лодку.
И радостно ад маячит,
И страшные муки прочит —
Любовь ничего не значит,
Любовь ничего не хочет.

Снимает маркиз сутану,
Отшвыривает сигару,
Рассказывать я не стану,
Жалейте мою гитару!
Будь воля на то моя,
Ни в жизнь бы не взял сей темы.
Но я-то уже не я,
И все мы уже не все мы.
Войдите в могильный холод,
Избавьте его от пыли,
Кто духом и тверд, и молод,
Вчитается в книгу были.
Там твой полосатый разум
Бессмертно воспрял над плотью,
Там падший кумир наказан
Своей же тяжелой плетью.
И новые вьются косы
Под солнцем его угодий,
Поется «бандера роса»
Под звуки его его рапсодий.
И в черном подвале жутком
Ловит мышей в бессильи
Последний маркиз де Людка,
Хуан Леопольд Бастилий.



Последний бой Хорхе

В полночь сходятся тени
Меряться тьмы клинками.
С воем морские волны
Бьются о серый камень.
Под сырной луной Гранады,
Под звездной молочной пеной
Цветут шиповником встречи,
Полынью пахнут измены.

Теплой июльской ночью
Хорхе к домам окраин
Вышел царственным шагом,
Черному солнцу равен.
В этот час набежали
Тучи, луну сокрыли,
Ветер хлыстом из стали
Ударил стволы деревьев.
В этот час полуночный
Путь, знакомый до дрожи,
Жутким сном показался,
Клыком, пронзающим кожу.

Тьма над окном Лусии
На черепичной крыше,
Тишь за закрытой ставней,
Сном переулок вышит.
— Выйди, любимая, выйди!
Молнией ярко-рыжей,
Пышнохвостой кометой
Страсти, святой и бесстыжей!

Песня взлетает птицей
На белеющий подоконник,
Но вторит ей только эхо,
Но ночь темней и бездонней.

Зеленоглазое чудо,
Грациозное пламя,
Бархатистая нежность —
Заколдованы снами.
— Выйди, любимая, выйди!
Камни в тоске остыли,
Что разбудить тебя сможет,
Если зов мой бессилен?

В полночь сходятся тени,
Точат с шипением когти.
Хищные лапы растений
Тянутся вниз с балконов.
Хорхе Луис, о Хорхе!
Неужели не слышишь
Поступи смерти, зоркий
Глаз — ее плащ не видит?
Хорхе, бывший быстрее
Мысли, что же ты медлишь?
Черной стрелой умчаться
Ты от нее успеешь.

Трое спустились с крыши,
В шрамах от прошлых схваток,
Двое пришли проулком.
— Ты не уйдешь, проклятый!
Среди мусорных баков
Щегольской шерсти клочья
Нашей победы знаком
Нынче полягут ночью.

— Наточены остро когти,
Я к битве по мерке скроен,
От солнечных окон Лусии
Я не уйду без боя.
Черная блещет шкура,

Глаза — как пара алмазов,
Хорхе готов сразиться
С дюжиной врагов сразу.

Но стонет горестно ветер,
Мерцают жалобно звезды.
Судьбу приготовься встретить,
От смерти прятаться поздно.
Шестой появился последним,
Но первым ударил в сердце,
Шестой из окна Лусии
Спрыгнул на мягких лапах.

Крик подстреленной птицей
Падает на подоконник,
Но вторит ему только эхо,
Но ночь тусклей и бездонней.

Он встретил врагов достойно,
Один, но с яростью многих.
Бой не на жизнь а на смерть,
Кровь на ступенях пологих.
Двое уже не встанут
Мести кровавой ради,
Двое уже не станут
Хорхе стеречь в засаде.

Хорхе Луис, о Хорхе!
Ближе, теснее стая,
В горьком бою неравном
Силы снежинками тают.
Но духом сильней, чем прежде,
Темным вздымаясь смерчем,
Хорхе, чуждый надежде
И жалости, воззвал к смерти.

— Выйди, смерть моя, выйди!
Тебе объятья открою,
Если врагов моих нынче
Взять разрешишь с собою!
Чаша до дна испита,
Солнце кануло в море,
В дом твой вступлю со свитой
Мышиным теням на горе.

Стоном ответил ветер,
Холод сгустился тучей,
В ужасе вражьи тени
Тоскливым откликнулись мявом.
Плащ распростерся над Хорхе
Парой незримых крыльев,
Перед ударами смерти
Теплая плоть бессильна.
Смерти обильна жатва
Этой июльской ночью,
Кровь оросила камни,
Кровь напитала почву.
Хорхе, пьяный победой,
Один под окном заветным
Последний свой вздох мешает
С завываньями ветра.

— Видишь, любимая, видишь,
Как смерть нежна со мною,
Подругой преданной станет,
Плащом из мрака укроет.
Все полегли сегодня,
Доверились ей без опаски,
С кем твои ласки делил я,
С теми делю ее ласки.
Без ревности и без боли
За ней прошествую следом,
Ведь в знак любви даровала
Смерть мне одному победу.

По-прежнему сходятся тени
Меряться тьмы клинками.
С воем морские волны
Бьются о серый камень.
Под сырной луной Гранады,
Под звездной молочной пеной
Хорхе Луис уходит
В края, где нету измены.

***

пушистый комочек счастья
лежит на твоих ладонях.
рыжая шерстка сияет,
как солнце на небосклоне.
небесная драгоценность —
глаза лазурного цвета,
едва покажет и спрячет
хитрая мордочка эта.
на собственный хвост охоту
часами ведет плутовка:
поймает и вновь отпустит,
чтобы схватить его ловко.
за ушком погладь легонько,
и будет тебе наградой
кошки довольной урчанье,
как трель соловья из сада.
нежна, как цветок весенний,
но лишь почует угрозу,
немедленно станет ясно,
остры ли шипы у розы.

Глава Третья

ОРИЕНТАЛЬНАЯ

***

И кота, и мышонка ждет хладный погост.
Что же делать? Ответ недвусмысленно прост:
Без раздумья отдай все сокровища мира
За глоток валерьянки и девичий хвост!

Волшебное слово Симм-Аль-Хусн по прозвищу Сайхан-Саранэ

Сказка

27 февраля 1815 года трехмачтовый корабль «Фараон» флота Ее Королевского Величества пришвартовался в александрийском порту с грузом сушеного базилика, кориандра, чая и красного перца, перевозимого нами из Бомбея в Лондон. Экипаж был отпущен на берег в трехдневный отпуск, и вместе со всеми спустился на берег и я, капитан «Фараона».

Облюбовав один из многочисленных кабаков, коими густо усеяны портовые улицы, и выбрав наименее грязный и наиболее спокойный его угол, там, где вид посетителей не предвещал немедленной драки, я уселся со стаканчиком рома и лондонской газетой недельной давности — единственной, которую удалось здесь достать.

Вид одного из посетителей за соседним со мною столиком привлек мое внимание. Человек этот был азиатской наружности, росту огромного, с тяжелым взглядом и лунообразным лицом. Через некоторое время и я заметил, что он поглядывает в мою сторону, правда, стараясь скрыть это, с присущей азиатам застенчивостью.

Я дружелюбно кивнул ему, и уже через пять минут, мы сидели за одним столиком с кружками пива, и монгол (а именно к этому некогда могущественному народу принадлежал мой собеседник) рассказывал мне удивительные истории из своей жизни.

Рассказ Монгола из Алык-Тэга

Родился я около озера Цеген-Нур, что в Алык-Тэге. Я служил подмастерьем в кузнице царя Буджин-Дава, того самого, чья лошадь в один день обносила его три раза вокруг земли. Царь Буджин-Дава славился своим богатырским здоровьем и силою, и было известно, что за одну трапезу выпивает он три бочки кумысу, съедает отару овец и остаётся голоден. Все народы уважали Буджин-Дава-хана — и сабдыки, и лусуты, и и шулмы, и чуткуры — и почитали его за могущественнейшего царя Монголии всех времён.

Моим единственым другом был Цок-Гырыл, и был он главным конюхом Буджин-Дава.

Однажды новая, еще необъезженная лошадь царя, лягнула Цок-Гырыла по голове, так, что он месяц без сознания пролежал в юрте придворного шамана, а я просидел у его изголовья. Придя в себя, он горячо поблагодарил меня за заботу, и решил поведать мне о приключении, что произошло с ним незадолго до несчастного происшествия.

Рассказ конюха

Надобно сказать, что у Буджин-Дава было 500 жён, и одну из них звали Сайхан-Саранэ. Она была невольницею из Персидских земель, купленною гонцом хана на базаре в Багдаде за тысячу динаров. Красотою своею Сайхан-Саранэ затмевала всех остальных жён Буджин-Дава, и не было ей равных ни во дворце, ни в Алык-Тэге, ни во всей Монголии.

Однажды ночью вышел я из конюшни и запер за собою дверь, как вдруг заметил, будто слабый огонек мечется по полу. Я затаился за углом, и, не прошло и минуты, как двери конюшни отворились изнутри, и показалась тощая фигура Даин-Дэрихе — главного советника Буджин-Дава — ведущего под уздцы лучшего царского коня Баши-бека. Тут уж я решил не упускать из виду татя, и тихонько последовал за ним. Вошёл Даин-Дэрихе в шатёр жён хана — я притаился у дверей. Проходит минута, другая, вдруг — вижу — выбегает советник из шатра, а в руках у него бьётся, как горная лань, девушка, и пытается кричать жалобно, да только злодей рот ей рукой зажимает.

Садится он на коня, девушку кладёт поперёк, и давай коня понукать волшебным кличем. Тут я не выдержал — бросился на Даин-Дэрихе, повалил его с коня наземь и ногою придавил. (А сила у меня богатырская, не в пример тощему негодяю.) Тот лежит, глаза из орбит вылезли, заклинаниями воздух потрясает — да не тут-то было: я только сильнее его в землю вдавил — и дух из злодея вон.

Подбежал тогда я к девушке, поднял её на руки, глядь — а это Сайхан-Саранэ — первая и наипрекраснейшая из ханских жён. Понял я тогда, какую подлую измену предотвратил, и стало мне хорошо на душе и весело.

А Сайхан-Саранэ очнулась, взглянула на меня и молвит:

— Низкий поклон тебе, конюх, за то, что спас меня от злодея. Но не этим отблагодарю я тебя, а тем, чем было мне завещано отблагодарить того, кто спасёт меня от верной гибели. Долгие годы не знала я, кто будет моим спасителем, кто узнает тайну, нашёптанную мне однажды нефритовой ночью. Выходит, что простой конюх. Быть посему.

И начала она дозволенные речи:

Рассказ Невольницы

Знай, о конюх, что моё настоящее имя — Ситт-аль-Хусн и я была дочерью визиря и жила во дворце султана, пока меня не похитили разбойники и не продали в рабство. Моего отца звали Бедр-ад-дин аль-Бустани. У него было семь сыновей и одна дочь. Моего первого брата звали аль-Бакбук, второго — аль-Хаддар, третьего — Факик, четвёртого — аль-Куз-аль-Асвани, пятого — аль-Фашшар, шестого — Шакашшик, и седьмого — ас-Самит.

(Видя, что конюх начинает скучать, девица перешла ближе к делу).

Однажды, когда была я ещё маленькой девочкой, няньки и евнухи взяли меня и братьев позабавиться на берегу моря. Братья принялись шалить и брызгать друг на друга водою, все отвлеклись на их игру, и никто не заметил, как я потихоньку подобралась к ближайшему лесу и стала углубляться все дальше и дальше.

Так бродила я по лесу, пока не спустилась ночь, и звезды не засияли на нефритовом небе ярче драгоценных камений в заветном сундуке моего отца.

Я стала кричать и звать мамок и нянек, но никто крикам моим не внял, так далеко зашла я, не зная дороги.

И вдруг, гляжу — прямо на развесистых ветвях финикового дерева восседает чудо из чудес, дивный собою зверь — черный кот красоты непомерной, величины необъятной, с шерстью, переливающейся в лунном свете, и глазами, как два изумруда, светящимися в ночи. Узкие зрачки его засияли как две звезды, когда увидел он меня, и так заговорил он человечьим голосом:

Рассказ Кота, Сидящего на Ветвях

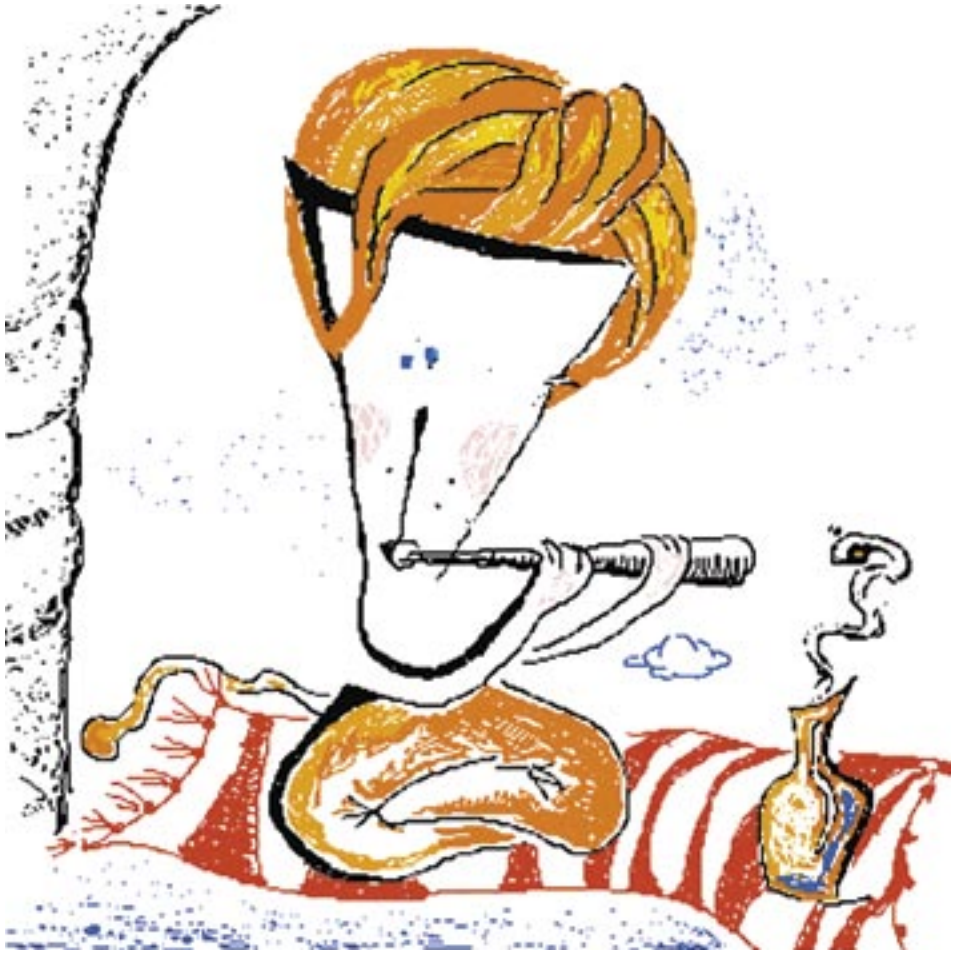
— Знай, о Ситт-аль-Хусн, что я пробыл в образе Кота тысячу лет и три дня, а заточен был в него злым дервишем, воспылавшим страстью к моей возлюбленной. И завещал он мне Волшебное Слово, что должен я шепнуть отроковице, красотою затмевающей алмаз. В ту секунду, как увидел тебя, понял я, что пришла пора сбыться завещанию.

Знай же, что в тот миг, когда три человека во всем свете произнесут это Слово, чары падут, и я превращусь в прекрасного юношу, а все, кто его произнес — в котов. Завещаю тебе открыть это слово тому, кто спасет тебя от верной гибели.

Здесь заканчивается рассказ Кота.

— Но что же это за Слово ?! — вскричала я. И тут кот наклонился к самому моему уху и шепнул то слово, которое с тех пор будто выжжено в душе моей огненными буквами. А теперь, я открою его тебе, о конюх !

Здесь заканчивается рассказ невольницы.



И она улыбнулась пленительною улыбкою, и из ее волшебных уст, Волшебное Слово показалось мне еще более чарующим.

Здесь заканчивается рассказ конюха.

И тогда Цок-Гырыл шепнул мне это слово, и оно поразило меня до глубины души.

Вот такую удивительную историю услышал я в бытность мою в Монголии при дворе хана Буджин-Дава.

Здесь заканчивается рассказ Монгола из Алык-Тэга.

«Удивительны сказки Востока», — думал я, потягивая потеплевшее пиво. Прошло уже два часа. «Как же это я не заметил, что он успел сплести целый рассказ?»

— Так что же это за слово? — спросил я, больше из вежливости, нежели из любопытства.

— А, слово-то? — рассеянно переспросил монгол, на которого наши обильные возлияния уже начали оказывать свое действие. — Это и впрямь интересно, — и он наклонился к моему уху…

…

Я сидел неподвижно в грязном, душном кабаке, и допивал вторую бутылку виски, стараясь собраться с мыслями. Уже спустилась влажная александрийская ночь, стихли за окном крики торговцев питьевой водой и голоса муэдзинов, и многие из посетителей кабака уснули, положив головы на закопченные доски грубо сколоченных столов. Наконец, я принял решение.

— Эй, трактирщик, — крикнул я, — принеси-ка мне сюда блюдце с молоком, братец.

И про себя подумал: «Может, это и кстати. В трюме как раз завелись мыши».

***

Поди воспой — ещё и к сроку —
Ориентального кота!
Упрямый кот не лезет в строку,
Хоть плачь! Задача непроста;
Ленивая, тупая муза
Кряхтит и стонет: «Вот обуза!»
И сам я тот ещё Хайям —
Всё не привыкну к рубаям.

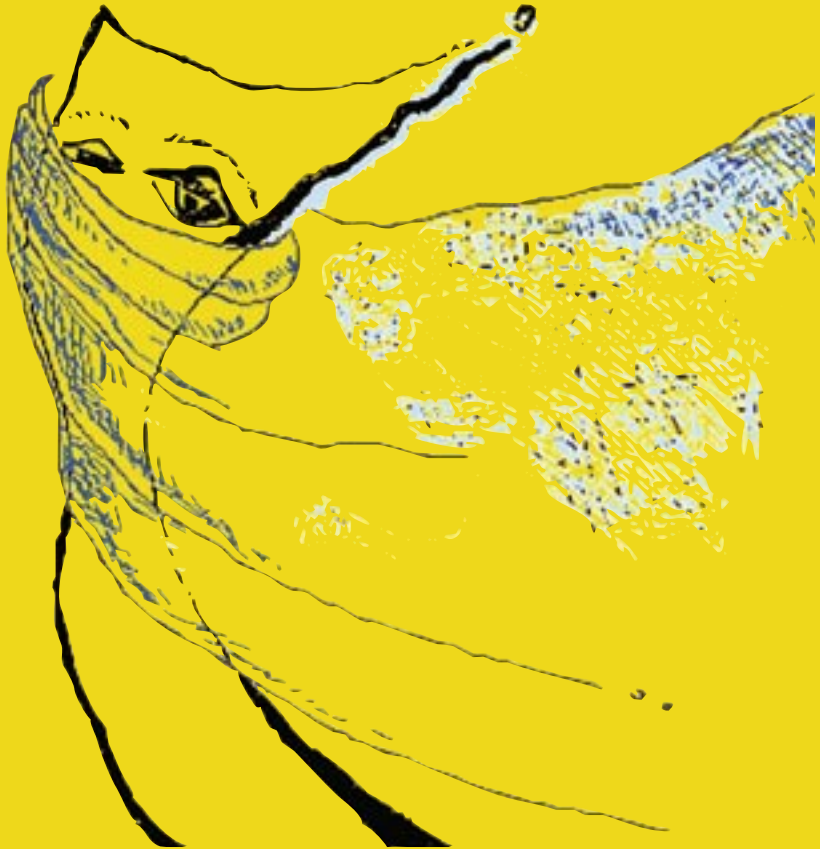
Однако, поразмыслив тонко,
Рассудим: что нам рубаи?
Для восхваления Востока
У нас мето́ды есть свои.
Уподоблять себя не смея
Певцам Гяура и Гирея,
С них собезьянничаю стих:
Пусть будет кот мой romantique.

Владыка некогда восточный —
Султан иль шах какой-нибудь;
Признаться, уж не вспомню точно,
Да и не в должности здесь суть —
Имел гарем — избита тема,
Но что за сказка без гарема?
И шаху радость… Ну так вот:
В гареме жил персидский кот.

Мы знаем из рассказов верных,
Хоть и игривых, про сераль,
Что в сей святыне правоверных
Обычай свой, своя мораль;
Помимо скопческого чина
Туда не вхож чужой мужчина…
Ну, скажем так: попав в гарем,
Наш кот стал кот… но не совсем.

Я тут хочу заметить кстати,
Что «улучшения» котов
Я — ярый враг и неприятель
И всюду ратовать готов
За то, чтоб всем котовладельцам,
Замеченным за этим дельцем,
Самим безжалостно отсечь
То, что… Но не об этом речь.

Наш кот, супруг и пассий шаха
Любимец, беззаботно жил,
Не знал ни голода, ни страха
И о потерях не тужил.
Мурлыкал благостно и сонно,
Воспринимая благосклонно
Своих чесание ушей,
А для забав ловил мышей.



Картины жизни на Востоке,
Противоречьями полны —
К примеру, нравы хоть жестоки,
Но удивительно нежны.
Так и во всем: роскошны стены,
Но состоянье гигиены
Не поднялось до тех высот,
Чтоб без мышей остался кот.

Средь обитательниц сераля
Его любимицей одна
Была — почем мне знать, как звали.
Дались вам эти имена!
Юна, отменно миловидна,
Нежна… Тем более обидно,
Что ей, достойной лишь похвал,
Бедняжкой, шах пренебрегал.

Но мы к нему не будем строги:
Шах был давно уже не юн
И в заповедные чертоги
Ходил послушать пенье струн,
Вздремнуть в прохладе у фонтана,
Покейфовать в дыму кальяна —
И полно. Но, увы и ах,
Хотя и стар, ревнив был шах.

И вот, несчастная… ну ладно,
Пусть будет, скажем, Гюльнара —
Томилась, мучилась изрядно
И все вздыхала, что пора:
«Пора бы, дескать, право слово!
От мужа толку никакого;
Выходит дело, надо мне
Искать дружка на стороне!»

Кто помогал ей в этом деле,
Не знаю — мне и всё равно,
Но в две каких-нибудь недели
Свиданье было решено.
Герой её был молод, строен,
Её любви вполне достоин,
А как она его нашла,
Один лишь ведает Алла.

Быть может, сваха или сводня
Тайком заглядывала к ней —
Не разобрать уже сегодня
Дел столь давно минувших дней.
Темны нам женские уловки,
Но по словам самой плутовки,
Она вверяла тайну ту
Лишь только милому коту.

Ночь настаёт, гарем стихает,
Ревнивый падишах уснул.
Лишь тонкий месяц освещает
Багдад — а может быть, Стамбул.
Но Гюльнара, хоть ровно дышит,
Не спит, а слушает — и слышит,
Как лёгким шагом в тьме ночной
Крадётся к ней её герой.

Вот входит он. Восторг объятья
И первых поцелуев жар
Не в силах здесь живописать я
(по счастью, этакий товар
И без меня везде в достатке);
Объятья, в общем, были сладки,
И жарок был любовный пыл —
И осторожность всяк забыл

И осмотрительность отринул.
И кто-то из двоих ногой
Сосуд задел и опрокинул —
Ну, скажем, с розовой водой.
И сразу — суета, волненье!
И грохот! и, увы, смятенье!
Переполох, и крик, и звон —
Дворец внезапно пробуждён.

Ах, положение опасно!
Уже от факелов светло;
Бежит гарема страж ужасный
С огромный саблей наголо
(о сублимации — ни слова);
Уже из своего алькова
За ним, в халате и туфлях,
Спешит и сам ревнивый шах.

Вбегают в комнату — и что же?
Чужих, как будто, не души,
Лишь злополучный возле ложа
Лежит серебряный кувшин.
Красавица в своей постели,
Глаза открывши еле-еле,
Лежит, растрепана, красна…
Но это, может быть, со сна?

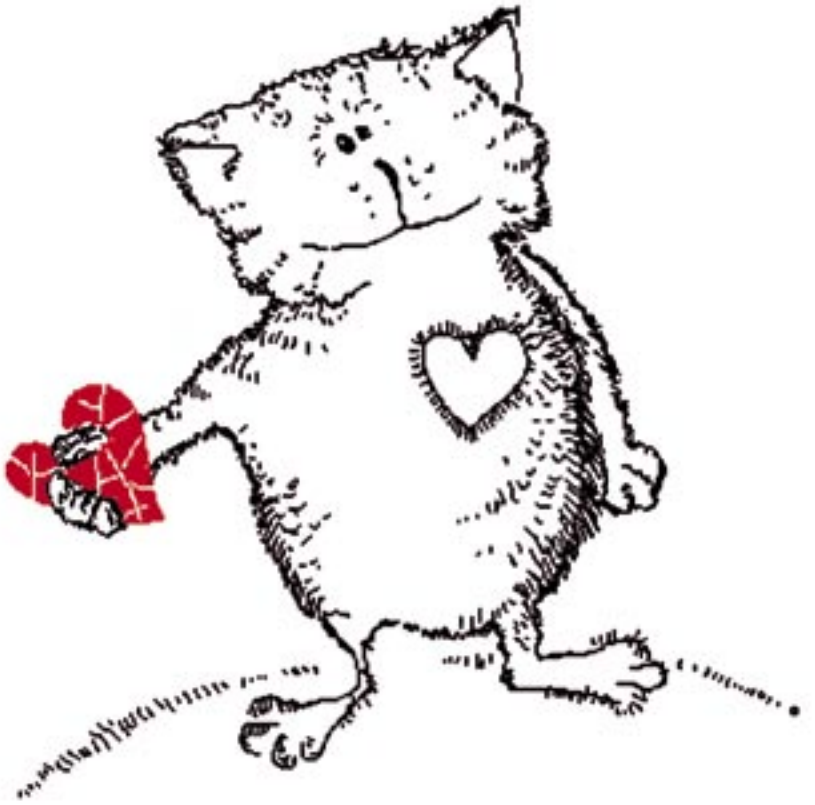
Но комнату окинув взглядом,
Взбешенный увидал супруг,
Как штора, что с постелью рядом,
Легонько шевельнулась вдруг.
Ты вот где! Жесту его гневну
Послушен, уж заносит евнух
Над занавеской меч, — и вот…
Из-за неё выходит кот.

Что ж, понемногу шум унялся,
Затих и вновь заснул сераль.
Спустя полгода шах скончался,
И мне его, признаться, жаль.
Шалунья вышла замуж снова —
За гостя своего ночного —
И поспешила в новый дом
С кувшином только и котом.

А прочим всем, что было нужно,
И так был полон мужнин дом;
И жили счастливо и дружно
Они — и умерли потом.
Вы, верно, спросите к тому же,
Была ли впредь пред новым мужем
Красотка юная чиста?
Спросите лучше у кота.

Глава Шестая

ВЛЮБЛЁННЫЕ



Пил молодое вино
Ходил по крыше
Думая решено
И нет тебя краше
Буквы запомнил
Глянцевых глав
Sex Love Sex Love

Котом влюблённым
Орал в лесу
Топал в такт
Сельскому вальсу
Я повернул колесо
Тех слов
Sex Love
Sex Love

Сонет

ты знаешь, зиму мы переживем
рифмуя снег с тоской в бетонных стенах
благодаря хозяйкам, в ранге пленных
и порознь, а хотелось бы вдвоем

на профиль твой с восьмого этажа
украдкой я взираю, домик близко
но не понятно, весела ль ты, киска
мне свысока не разглядеть глаза

когда метель мурлычет за окном
или на стеклах пышные букеты
хоть целый день смотри, не видно, где ты
кругом лишь снег, пушистый снег кругом

и даже многодневное пленение
не охладит души моей горение

***

я был влюблен…
и это было,
и шерсть моя стояла дыбом.

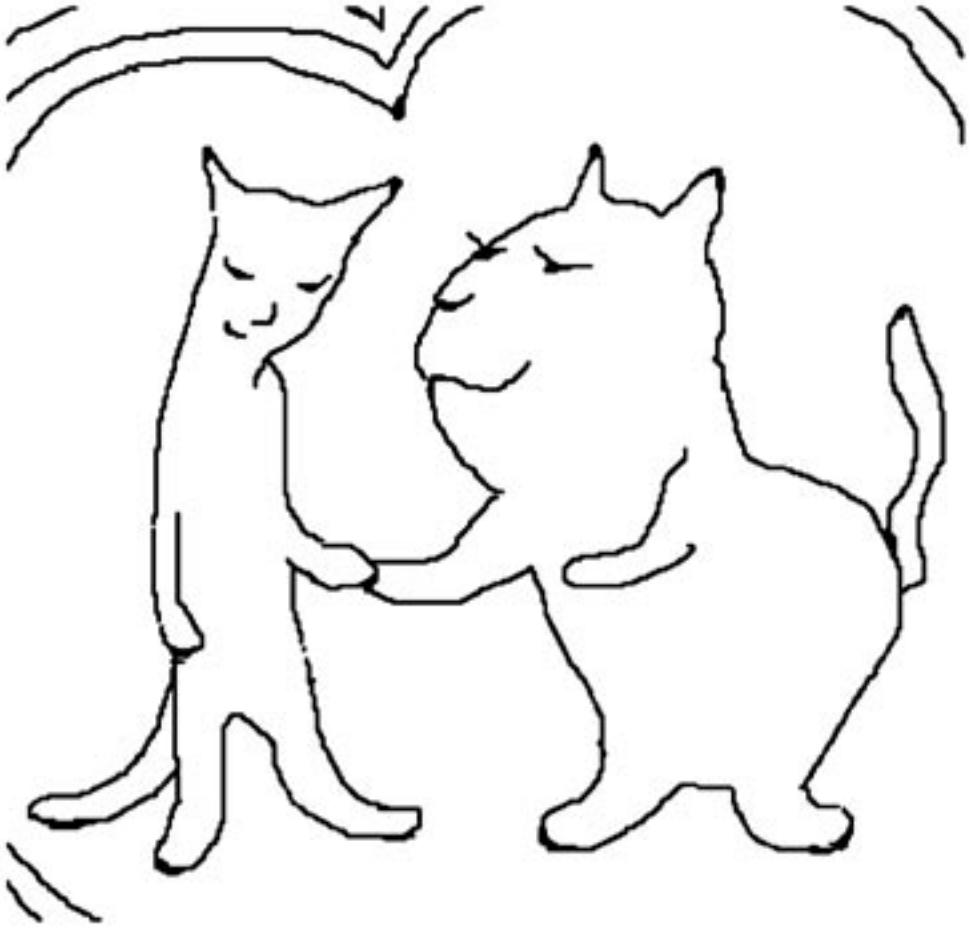
теперь сижу я под трубой,
и льется дождь из водостока,
мне все равно — я не с тобой.
мне хорошо. мне одиноко.

***

скорее , друг , иди скорее
мгновенья эти для тебя я
живу … я чувствую , посмею
над тесным городом взлетая
мой крик порвет печаль рассвета
на крыши — тысячи холодных
и ты придешь … я вижу это —
как нас двоих , таких несходных ,
от брошенного вслед проклятья
подхватит ветер легким бегом…
… тебя попробую догнать я
по небу, пахнущему снегом.

О КОШКЕ В ОКОШКЕ

О чем рыдает мурка та?
— Ах, дайте, дайте мне кота!
Сегодня мне неможется —
Так хочется размножиться!



Кот в сапогах

Котом в сапогах я бродил закоулками Франции,
перья со шляпы купались в пролитом бордо.
На каждой второй захолустной и чистенькой станции
я ждал тебя, ждал тебя, ждал, Франсуаза Годо.

Шпагу свою я сломал о какую-то стойку,
остаток клинка сохранил — он и мертвый мне верен.
Отцовский бальзам я у ведьмы сменял на настойку
и жду Франсуазу — любовное зелье проверить.

Обшарил я множество замков, отелей, борделей.
Я за кулисами нормы в потемках брожу.
Под рыбьим свеченьем луны я читаю Бодлера
и песню тяну, и тяну потихоньку анжу.

Меня утешает… слегка утешает бесстрашие,
с которым другие бродяги живут в никуда.
Я жду Франсуазу Годо. Это то настоящее,
которого нет, да и быть не должно у кота.

Плащом мушкетерским укрыл я больную скотину,
поскольку смотрела мне в душу глазами Годо.
Сижу я под деревом, кажется, это осина.
Стихи в голове, а в кармане — эфес и кондом.

Ещё раз про любовь

Вот близится любовь, а с нею — март,
наоборот, конечно, но плевать.
Отброшены «Камю», Камю и Сартр,
зачехлена хозяйская кровать.

А во дворе топорщится трава,
как новая пружинящая шерсть.
А на траве, конечно же, дрова,
а за дровами битвы, страсти, смерть.

Хозяева, со взглядами козлов,
прочесывают местность и вопят:
«Кис-кис», «брысь-брысь». Производитель слов
не ограничит численность котят.

Любой живой и страстный организм
желает множится — в словах, стихах, потомках.
Мне близок этот страстный нетнеизм,
при свете дня, фонарном и в потемках.

Ноктюрн

Когда заходит ночь, как на посадку,
огни кошачьих глаз укажут путь.
И горло перехватывает сладко
аккорд любви и славной драки муть.
Что ж ты не спросишь, сидя у окна
и глядя на меня глазами Евы,
в раю живущей: «Так ли ночь темна
там, у корней всезнающего древа?»
Пойдем со мной, выпрыгивай в окно,
сегодня ночь кошачьего Купалы!
Что завтра будет? Будет ли оно!
Ты не ликуешь… Ты опять устала…

Ноктюрн

Грот ночи жаркий, влажный.
Прибой веселой страсти.
Я буду нежен с каждой,
любой дворовой масти.
У лунного менялы
сегодня только грошик,
и потным одеялом
укроет счастье кошек,
тем драным одеялом,
где ночь течет в прорехах,
где кошка под диваном
ревнует человека.

Часть III

ХВОСТ, ИЛИ ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ

Послесловие

В детстве я всегда открывал новые книги с конца. Честно говоря, я и сейчас не могу отделаться от этой привычки. Да и зачем — может, это историческая память.

Спешу напомнить: то, что вы сейчас читаете, — послесловие. Если вы имеете такую же привычку открывать книги с конца, быстро пробегите это глазами, не заостряйтесь на деталях. Теперь переверните книгу и посмотрите предисловие… и начните все же с начала.

Ну, а теперь, я думаю, вы все же просмотрели эту книгу в поступательном порядке…

Ну и как, извините за нескромный вопрос? Мы все же старались…

Мы, авторы, попытались рассказать о себе, о своем отношении к жизни, о своем отношении к людям, выбрав совершенно посторонний объект в качестве модели.

Коты… это могли оказаться и не коты… Компьютеры… могли бы быть и не компьютеры… Это могли быть чашки, зебры, шагающие экскаваторы, мухи цеце, склянки темного стекла или «Яки»-истребители.

Что бы мы ни выбрали — это была бы книга о людях и для людей. И вы только что это прочли. Мы рисовали, чертили и поэтизировали котов, конечно, вкладывая в это частичку себя. Мы убедились, что каждый может создать себе кота, alter-кота-ego — на минутку, на часок, на всю жизнь.

Вы увидели здесь разных котов — всех эпох и расцветок, всех национальностей и стилей. Эти коты жили в нашем сознании несколько месяцев, наполняя досуг и отрывая от важных дел. Коты дрались на дуэлях, мерзли в подворотнях, делали себе котокири, просто воплощали наши детские — ставшие взрослыми — игры. У них был разный почерк и характер, очертания могли следовать как самым традиционным, так и самым авангардным направлениям, которым подчиняются слова и изобразительные искусства.

Вы увидели, как мы себе представляем самих себя, и теперь мы сами знаем, как мы представляем друг друга…

Здесь собрались разные коты, в большинстве своем не пересекающиеся друг с другом ни в чем.

Здесь собрались разные люди, в большинстве своем не знакомые друг с другом, но пересекшиеся к главном.

Мы, сидя по разные стороны океанов и компьютеров, все-таки слепили это из ничего, из сора, из себя, назвали это котокнигой, улыбались, перечитывая, и хмурились, споря.

Мы наполнили эту книгу образами и надеемся, что некоторые из них задержатся в вашем сознании, вызовут улыбку или воспоминания.

Теперь закройте книгу в правильном порядке, поставьте ее на полку…

А когда ваши дети попросят вас почитать на ночь, достаньте как-нибудь им эту книгу про многих и многих котов и расскажите им о себе.

Оглавление

Часть I. ГОЛОВА, или ПРЕДИСЛОВИЯ НА ЛЮБОЙ ВКУС 9
Историческое предисловие 17
Предисловие для детей 23

Часть II. ЖИВОТ, или УПРАЖНЕНИЯ В СТИЛЕ 25
Глава Первая, Японская 27
Глава Вторая, Испанская 71
Глава Третья, Ориентальная 119
Глава Четвёртая, Модерн 169
Глава Пятая, Нонсенс 203
Глава Шестая, Влюблённые 243
Глава Седьмая, Fantasia Catologica 287

Часть III. ХВОСТ, или ВСЁ ОСТАЛЬНОЕ 327